

объявится... Бывали же случаи. И как ему не хватает батьки, говорил... Витька слушал вполуха. У него и отец и мать живые. Ему ещё трудно понять тоску друга по родному отцу, которого тот никогда не видел...

Он вяло откинулся на локоть. Мысли поплыли ленивые, без очертаний и границ. Так и расслабиться недолго... Закрывать глаза, и ну его всё к такой-то матери. А домой-то как охота! Но разве ж можно? Война вона, за этими кустиками, метров семьсот до неё, не больше. Ты разнежишься, а она хватить тебя за бок, пулей али ещё чем, у неё такого добра хватает.

Глазок всё-таки улёгся на спину. Тепло лилось со всех сторон, он ощущал его кожей, каждым пупырышком, волосинкой на теле, как подснежник первый горячий луч, пробившийся сквозь тяжёлые тучи.

– А хорошо ведь, едрит его через коромысло!

На берегу небольшого продолговатого пруда, заросшего осокой и камышом, прыгали серые трясогузки, вертя маленькими головками. Где-то у противоположного пустынного и крутого откоса из водяных зарослей пронзительно выкрикивали лысухи. Неподалеку, введенный в обман временной тишиной, выбрался из норки байбак и, вытянувшись столбиком, замер, оглядываясь. В другое время Виктор Ряжских обязательно попытался бы разжиться жиром сурка, который по пользе своей почти не уступал знаменитому барсучьему. Да и мясо у сурка нежное – питается-то одной травой. Но сейчас он ленился. Когда ещё удастся понежиться на весеннем солнышке, не опасаясь минометного обстрела, последнее время ставшего почти обязательным, как утренний подъем. К счастью, фрицам не хватало точности, били по площадям, большого вреда казакам их обстрелы не наносили. Или разноса командира полка, тот, похоже, тоже лупил по площадям. Так, для профилактики, чтобы не расслаблялись. Или неприятного внимания смершевца, не упускающего возможности зацепить пластунов². Почему-то офицер контрразведки особенно подозрительно поглядывал в сторону разведчиков. Может, считал, раз в тыл к немцам ходят, значит, первые кандидаты на предательство? Кто его особисткую душу поймет? Но оказаться под прицелом испытующего прищуренного взгляда старшего лейтенанта Патрикия Овсянникова даже случайно не хотелось никому из пластунов. Да и не только им.

Глазком Виктора прозвали до войны, ещё в станице. Тогда они с Ванькой и Нинкой, бойкой девчонкой, в том, 14-летнем возрасте, ещё не уступающей мальчуганам в уличных играх, собирали на склоне кургана землянику. Двое, кидая в лукошко

---

² Пластун – разведчик в казачьем войске

Нечем! Верно старые казаки гутарили: «Не в силе Бог, а в правде». По ней, по правде, победа и присудилась. Но и красным казакам она не на раз-два досталась, половина эскадрона в той сече полегла.

Разморило Глазка, задремал. Тихо вокруг. Прыгают, попискивая, трясогузки. Байбак, не чуя от коня угрозы, перебежал ближе к воде и, сунув носик за камень, потянул языком молодые травинки. Но гнедой – конь умный, знает, что не время и не место казаку спать – отпросились ненадолго, выкупаться. Жеребец неспешно поставил копыта у плеча хозяина, и мокрые губы слегка прошлись по лицу казака, по подбородку...

Виктор подскочил в момент. Сел, подхватывая кубанку, другая ладонь сжала приклад автомата, голова крутанулась вправо, влево – пусто. И спокойно. Конь как ни в чём не бывало травку подбедает, птички поют. Мотнул головой, что за ерунда? Будто поцеловал кто. И вспомнил, где находится и что тут делает. Выдохнул облегченно, успокаиваясь. Вытер мокрое лицо. Потихоньку, ворча на себя и прислушиваясь, как затихает растревоженное сердце, закинул на плечо ППШ⁴, засобирался. «Это ж надо, – думал, деловито застегивая узду, – та сеча под Валуями пригрезилась, словно сам в ней участвовал. А ведь не кавалерист, чай, разведчик, пластун. И не видел её, товарищи рассказывали, а, поди ж ты, как живая перед глазами встала».

Виктор Кириллович Ряжских был невысок ростом и в плечах не сажень. Таких на Руси через одного. На улице встретишь, если без медали «За отвагу», ордена Красной Звезды и значка «Лучший разведчик», ни за что не скажешь, что героическая личность. А между тем к весне 1944 года имел он в багаже больше десятка выходов в немецкие тылы и пяток захваченных «языков».

Движения у него скупые, но точные. Он и по жизни такой – что ни сделает – всё получается. Причем, без суеты и, кажется, без напряжения. Виски у сержанта выстрижены, а под кубанкой скрывается стог густых каштановых волос. И чуб набок выглядывает, словно завитой на раскаленных гвоздях.

В казацкие разведчики – пластуны – Глазок попал случайно. Командир полка подполковник Дьяченко из тех казаков, что в седле рождаются, отбирая бойцов в разведчики, коих в последнем бою повыбило почти подчистую, лишь взводный Платов уцелел, предложил выйти из строя охотникам. Виктор переглянулся со станичным другом Ваней Красотой, и разом шагнули.

---

⁴ Пистолет-пулемёт разработки Г. С. Шпагина, принятый на вооружение Красной армии в 1941 году

Что за служба у разведчиков, знали отлично. И про то, что живут они не больше пары месяцев, наслышаны были. И что уже не первый набор в пластуны комполка затеял, тоже ведали. А не застоялись казаки в строю. Жизнь – она, конечно, штука важная, но пуля-то – дура, и в пехоте, случается, полками ложатся. Бывает и по глупости смерть находят и не так уж и редко. Глазок только на своей памяти мог с пяток таких случаев привести.

Бойцы давно поняли – боишься ты костлявую или грудью на неё прёшь – заберёт по-любому. Для каждого у неё своё время. Зачем тогда трусить? Только стыда не оберёшься перед товарищами, что закручивая страх стремненным узлом, под обстрелами в атаку бегает. Войне конца и краю не видать, смерть каждый день в лицо дышит, выжить бойцы, здраво рассуждая, особо и не рассчитывали. А где костлявая догонит – не всё ли равно? К тому же звали охотников, а Иван и Виктор считались в станице охотниками не последними.

Парни росли ноздря в ноздю. Дед Терентий с какого-то времени и разделять их перестал – обедать, так сразу двоих звал, внуку – Витьке – подзатыльник отвечивал, и тут же рука к Ванькиному хохолку на мозжечке тянулась. Тот не обижался, как от родного принимал. Может, потому, что отчим воспитывал, а тот к Ваньке никаких чувств не проявлял. Даже когда неродной сынок нашкодит чего, сам – ни-ни, жаловался матери. И летели тогда в Ваньку табуреты, лопаты, всё, что замученной на ферме матери под руку попадётся.

Парни, почитай, с малолетства по лугам и рощам с луком шастали. Силки ставили, самодельные капканы. Потом дед Терентий ружьё на двоих одно выделил. Стрелять вроде и не учились специально, а били кабанов и птицу почти без промаха. Дед, пару раз ходивший с мальцами на утиную охоту, нарадоваться на них не мог. Не чужие, чай. Иван, хоть и не прямой родственник, но тоже недалече ушёл – троюродный племянник. Родственную нить сообща высчитывали. Но радость в себе оставил. Мальчишкам дедовы думки ещё не понять.

С той поры старик и Ивана внуком называл. И ещё упорней, даже торопясь иной раз – боялся не успеть, передавал парням знания. Дело шло с трудом, но кое-что удавалось.

Это потом Виктор понял, что старик вдалбливал в их пустые головы не просто лесные да речные премудрости, а военную пластунскую науку. Знал бы, что пригодится, ни слова из стариковских учений не пропустил. Бывало, дед ворчит, рассказывает что-то про скворцов, которые булькают, что тот глухарь, и этим бульканьем легко в случае чего друг с дружкой переговариваться, а малец Витька

только в окно поглядывает. Ждёт, когда же он наговорится, чтобы с Ванькой на речку бежать. Лягушек ещё днём наловили, сомы на вечерней зорьке хорошо на них ловятся, а тут дед со своими рассказами.

Или отправится старик в Чёрный лес, за Лабу. И мальчишек с собой прихватит. Прогуляться вроде. А сам всю дорогу показывает, как сакму – следы за собой прятать, как камышинку правильно от сердцевины освободить, чтобы потом через неё под водой дышать. Или след найдет конский и давай мальцов тренировать: конь или кобыла, когда прошла, куда седок направлялся, какой был, тяжёлый али лёгкий? Они и рады бы ответить, да не поймут, чего дед от них хочет и зачем пытается. А тот злится, палец крючковатый ко лбу одного тянется, а рука к оттопыренному уху другого. Но в последний момент старик себя одёрнет и с новым терпением к внукам: «Чтобы веточка под ногой не хрустнула, треба ногу мягко ставить, вот так, с носка...»

Хоть и не всегда усердно внуки перенимали сложную науку пластуна, а всё ж многое запомнили. Жаль, вот только не всё. «Эх, – иногда ругал себя сержант Ряжских, вспоминая деда, – что за дурак был? Почему невнимательно слушал? Сейчас бы с этим опытом да с пониманием старика порасспрашивать... Поздним-то умом все горазды. А теперь нет старика, не у кого учиться, ещё перед войной помер».

За мыслями руки привычно двигались сами, бездумно. До того, как немец попёр, он сотни коней в месяц седлал – трудился в колхозе конюхом, а тогда конская сила только в виде живой и действовала. Все – от ветеринара до председателя на лошадях передвигались. Виктор, припомнив довоенные годы, вздохнул. Невеста в станице ждёт – Нина. Дружили с девчонкой, почитай, с малства, а как повзрослели, оба стали на неё заглядываться. Но она выбрала его. Ванька – друг – ни слова не сказал. Отвернулся, когда она платочек на Витькино плечо кинула, и только щёки покраснели.

Как от немцев освободились, письма стал получать, а в них за наведённой бодростью слёзы бабские и тоска. Сержант их, конечно, чувствует, но вида не подаёт. Отвечает бодро, с лихостью, как и подобает казаку: «С гвардейским приветом пишет тебе сержант-пластун!» Обязательно поклоны всем родственникам и соседям. Знает: письмо зачитают по станице, всякому будет приятно, что боец своих не забывает. Напишет несколько строчек и сам загорюет: «Эх, под пулями каждый день ходим, в любой момент убить могут, а войне, хоть и граница рядом уже, конца и края не видать».

Гнедой терпеливо переступил копытами, чуть подрагивая широкими ноздрями, послунывил гимнастёрку на плече. Глазок не обратил внимания, как раз затягивал построшки. И, что приятно, жеребец, не в пример другим, не старался надуть пузо, когда хозяин в дырочку попадал. За эту лошадиную порядочность и за природную

смекалку уважал своего подшефного сержант. Правда, для пластуна конь – лишь средство передвижения, но и на то не каждый годен. У одного копыта загниют, другой норовит в какую-нибудь колючую акацию зазевавшегося седока утянуть, третий – ленивый. Чуть что, начинает пошатываться, оступаться, мол, устал – не могу. А расседлай его, пусти на луг, вперёд всех побежит. Такой оболтус попался недавно Ивану. До сих пор мучается, а ничего не поделаешь – скотина казённая, в части на учёте состоит, получил – изволь воспитывать. А коли не поддается, никто тебе не виноват. Плохо, значит, со своей животинкой политработу проводишь.

Слегка накатанная тележная дорога тянулась до стана. Тут кругом свои расквартированы. Штаб полка с охраной на взгорке – там хуторок. В балке неподалеку временная конюшня. По соседству кузня – и сейчас оттуда звонкие удары молота доносятся. Стряпная тоже неподалёку, медсанбат за леском, до передовой отсюда метров пятьсот. Слава Богу, пока спокойно стоят, уже несколько дней. Поговаривают в полку что-то о наступлении, но пока приказа нет. А отдохнуть солдату всегда в радость.

Правда, у разведчика отдых – понятие относительное. Платов каждый день тренировки до седьмого пота устраивает. Так оно на пользу. В тылу у фрицев каждая капля тренировочного пота увеличивает шансы выжить. Потому казаки не роптали, а, наоборот, с удовольствием и на кулаках бились, и пластунскую науку изучали – взводный, хоть и не дед Терентий, а тоже многое знает и умеет. Есть чему поучиться.

Сейчас Глазок сдаст гнедого Степану Васильевичу – старому по его понятию коноводу – тому – сорок пять, но подвижному, не каждый молодой угонится, и до своих – взвода пластунов. Они у противоположного склона балки разместились, в одинакатном блиндажике. Пятеро бойцов да командир-батя, всё, что осталось от взвода после последних боёв и переправы через Днестр.

Виктор лёгким движением, даже не пяток – коленок, поторопил коня, и тот послушно ускорился. За уголком солнечного леса укрытый временными навесами и изрытый блиндажами открылся казачий лагерь. Пластун направил коня к дальнему углу, где располагалась полковая конюшня.

2.

В дверь негромко, но настойчиво постучали. По звуку начальник дивизионной разведки подполковник Максимов определил: порученец майор Кузьмин. Сам Максимов, плотный, с изрытыми оспинами лицом, лысой, как мяч, головой, нацепив на мясистый нос тонконогие очки, читал газету «Красная Звезда». Он с неохотой оторвался от затёртого листка, осипший голос прокашлял:

– Не заперто.

Дошатая неструганая дверь скрипнула, и в землянке глухо стукнули каблуки порученца:

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Группа готова? – Максимов поднял напряжённый взгляд над очками.

Кузьмин остановился в шаге от стола и кинул руки по швам:

– Так точно. Сегодня в ночь пятеро пойдут.

– Кто главный?

– Сержант Бутов.

Подполковник одобрительно кивнул:

– Согласен, хороший парень. Инструктаж сам проведёшь?

– Так точно, – майор шагнул ближе к столу и совсем не по уставному кивнул подбородком на газету:

– Что пишут, товарищ подполковник?

Офицеры штаба дивизии начинали в одной части на Дальнем Востоке. Фронтовая судьба свела их ещё в 42-м на кровавом Ржевском направлении, где, по разным подсчётам, погибло в тот год около миллиона советских бойцов. Судьба хранила командиров, и до апреля 1944 года оба дошли без серьёзных проколов и, что немаловажно, с положительными характеристиками. Дело своё офицеры знали, за него готовы были в случае чего и пострадать в меру. В дивизии их уважали и даже немного завидовали.

Максимов снял очки, сильная рука подтолкнула газету к майору:

– Ватутина схоронили.

Кузьмин, худой, вытянутый, но с круглыми и постоянно румяными, словно припухлыми щеками, ещё ниже пригнул голову. Подтянул газету, зашуршали разворачиваемые полосы.

– Надо же, – он вскинул глаза, – уже несколько дней как. А я и не слышал.

– Не только ты, многие не слышали, – проворчал подполковник и развернул широкие плечи. Гимнастёрка на груди натянулась до хруста. – Загадочная история. Тут и врачи самые лучшие, и уход. После таких ранений другие через месяц бегают. А тут генерал армии, и не уберегли, – между собой они не опасались говорить на самые небезопасные темы, за военные годы проверили друг друга и не раз.

Майор присел на краешек стула:

– Да.., такие люди пропадают...

Подполковник вздохнул, глаза нашли светлое оконце в полуземлянке по случаю тёплых дней и удалённости от передовой распахнутое:

– Ладно. Погоревали и будя. Сейчас у нас Жуков командует. А где Жуков, там наступление. А где наступление, там нужен «язык». А где он? – Он упёр немигающий взгляд в серое от недосыпа лицо майора. – Первую группу потеряли. Ушла и как в воду... Если погибли – полбеда, а если в плен попали?

Кузьмин опустил глаза. Что тут скажешь? Такое случилось, разведчики, и не только они, иногда пропадали бесследно. Война.

– Вторая нынче уходит, – Максимов снял очки, в толстых пальцах, похожих на гильзы от 75-мм снарядов, тонкая дужка очков казалась хрупким необожжённым стеклом. – А если опять без «языка»? Ты же понимаешь, Николай, что такое наступать вслепую?

– Да, понимаю..., – он отвернулся к окну. – Что непонятного...

– Понимает он, – подполковник неожиданно разволновался и, подскочив, заходил по блиндажу от стены к стене. Поднялся и майор. Навалившись на стол руками, он дочитывал заметку о смерти командарма. – Скоро Первомай, город должен стать подарком к празднику Верховному, а мы ещё вшей не ловили, – Максимов остановился напротив, дожидаясь, когда порученец выпрямится. – Неподготовленное наступление – это, Николай, сотни и тысячи погибших!.. а у них семьи, матери, дети...

Майор отступил от стола:

– Разрешите провести инструктаж, товарищ подполковник?

Максимов с размаху уселся на стул. Снова развернув газету и ещё не понимая, почему его раздражает невозмутимость товарища, буркнул:

– Иди, и чтобы без «языка» не возвращались.

– Есть не возвращаться, – майор преувеличенно чётко развернулся, за его спиной скрипнула входная дверь.

Когда звук шагов порученца смешался с дневным шумом, Максимов нервно прикурил беломорину. На столе зашуршала планшетная карта. Изучив её уже, наверное, в десятый раз, он стряхнул пепел в гильзу-пепельницу, струйка дыма потянулась к потолку: «Нет, эти «языка» обязательно притянут. Ребята прожжённые. А иначе...» – Максимов сердито оттолкнул от себя карту. Что будет в этом случае, думать не хотелось.

– Щи, хоть портянки полощи, – Хомяк подмигнул надувшемуся повару. – Да не грейся, как самовар, лучше лей побольше, а то простою дольше, ещё не то услышишь.

– Ну и балабол ты, – повар плеснул в подставленный котелок норму и сердито поднял голову. – Проходи, не задерживай.

– Ну вот, сразу и балабол, – показушно обиделся Гаврила, отходя от котла и устраиваясь рядом с пластунами под сосной, где недавно метали ножи. – Нет, скажи вот, Поллитра, я правда балабол или он придирается?

Семён только что влил полную ложку в рот, вопрос заставил его хмыкнуть, и пластун чуть не подавился:

– Ну, не то чтобы балабол, – он не хотел обидеть товарища. – Но поболтать ты, верно, любитель.

– Почему любитель? – деланно изумился Хомяк. – Ты сейчас разговариваешь с мастером высшего разряда.

Пластуны дёрнулись от смеха, а Виктор Ряжских даже прыснул щами на траву.

– Ты чего добро переводишь? – тут же повернулся к нему Хомяк. – Вторую пайку не нальют.

– Мне хватит, – отрезал сержант.

– А щи это всё-таки, я скажу, вещь, – Хомяк неведомо как, почти не замолкая, уже доедал вперёд всех. – Щи – хоть кнутом хлещи: пузыри не вскочат, брюха не обкормят, верно, братцы? – Хомяк сыто облизнул ложку, и его хитрый глаз скоился на молчаливого и по-прежнему босого Семёна. – Когда должок-то отдавать будешь? Кис-кис-кис...

Казаки замерли ложками. Поллитра поперхнулся. Хомяк постучал его по спине.

– Договорились матч-реванш устроить, – спас товарища Иван. – После Победы.

Гаврила огорченно махнул ложкой:

– Эх, а рыжий надеялся...

– Зря надеялся, – Поллитра прокашлялся. – Я ишшо его обыграю...

Казаки, глядя на насупленного Семёна, заулыбались.

Иван лишь потянул уголок рта, больше изображая улыбку. Уставившись в глубину котелка, он почти бездумно поглощал щи, совершенно не замечая их вкуса.

«Чем же я так насолил особисту, шо он обо мне уже справки наводит? – Красота задумчиво отправил в рот очередную ложку. – Как тут угадаешь? Может, правда, кто оговорил... Но кто?» – Он медленно оглядел казаков.

Андрюха Сапега, облизываясь, заглядывал в рот Гавриле Хомяку, опять что-то увлечённо травящему. Рука Гаврилы выводила фигуры не хуже, чем у дирижёра